

Е.И.Богомолова, Т.К.Жаров, М.М.Кедрова «Пособие по литературе для слушателей подготовительных отделений высших учебных заведений – М., Высшая школа, 1986.

О некоторых особенностях системы образов, сюжета и композиции романа «Евгений Онегин»

[▢ Глава 1](#)

[▢ Глава 2](#)

[▢ Глава 3](#)

[▢ Глава 4](#)

[▢ Глава 5](#)

[▢ Глава 6](#)

[▢ Глава 7](#)

[▢ Глава о путешествиях Онегина](#)

В восьмой главе (План восьмой главы: Онегин появляется в петербургском светском обществе; Повествователь рассказывает, куда направился Онегин, убив Ленского на дуэли; Онегин на светском рауте встречает Татьяну, характеристика петербургского общества; Онегин полюбил Татьяну; Онегин пишет письмо Татьяне; отповедь Татьяны Онегину; конец романа) окончательного текста романа о странствиях Онегина есть только полторы строфы:

Онегин (вновь займуся им), Убив на поединке друга, Дожив без цели, без трудов До двадцати шести годов, Томясь в бездействии досуга Без службы, без жены, без дел, Ничем заняться не умел. Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест). Оставил он свое селенье, Лесов и нив уединенье, Где окровавленная тень Ему являлась каждый день, И начал странствия без цели, Доступный чувству одному; И путешествия ему, Как все на свете, надоели; Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на бал.

Итак, Онегин снова в петербургском большом свете. Пушкин ставит своего героя в те же самые жизненные ситуации и отношения, в какие он был поставлен в первой главе. Но если в первой главе свет благосклонно принял Онегина («Свет решил, что он умен и очень мил»), то теперь свет считает Онегина чужим; если в первой главе Онегин слегка презирает свет, то в восьмой он его ненавидит.

Как и в первой главе, Онегин показан в отношении к женщине, к любви. Но тогда любовь для него была «наукой страсти нежной», которой он в совершенстве овладел; теперь — он сам любит горячо, искренне, страстно.

В первой главе, разочаровавшись в свете, «условий света свергнув бремя... отстав от суеты», в восьмой — влюбившись в Татьяну и не получив ответа на свои послания, Онегин отрекается от света и ищет забвения в книгах:

...Глаза его читали, Но мысли были далеко (...) И постепенно в усыпление И чувств и дум впадает он, И перед ним воображенья Свой пестрый мечет фараон. То видит он: на талом снеге, Как будто спящий на ночлеге, Недвижим юноша лежит. И слышит голос: что ж? убит. То видит он врагов забвенных, Клеветников, и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круг товарищей презренных, То сельский дом — и у окна Сидит она... и все она!..

В восьмой главе Повествователь снова то приближает Онегина к себе, то отчуждает и даже иронизирует над ним. Вот Онегин на светском рауте: «Но это кто в толпе избранной стоит безмолвный и туманный? Для всех он кажется чужим». И как бы от лица участников раута ставится ряд вопросов,— в них слышится язвительная насмешка над Онегиным:

Все тот же ль он иль усмирился? Иль корчит так же чудака? Скажите: чем он возвратился? Что нам представит он пока?

И не отвечая на язвительные вопросы толпы, Повествователь обращается к ней, защищая своего героя, вызывающего у него глубокое сочувствие:

— Зачем же так неблагоприятно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомно

Хлопочем, судим обо всем, Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит, Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела, Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна? (...) Но грустно думать,
что напрасно Была нам молодость дана (...) Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.

Пушкину искренне жаль своего героя, не нашедшего своего места в жизни, оказавшегося лишним, чужим. Но когда идет речь об отношении Онегина к [Татьяне](#), По-вестователю снова иронизирует над ним. Ему больно, что Онегин тогда не полюбил Татьяну. И он настойчиво под-черкивает, чем именно Татьяна теперь вызвала его любовь:

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась Иль стала вдруг бледна, красна... У ней и бровь не шевельнулась; Не сжала даже губ она.

Или:

Но мой Онегин вечер целый Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой, Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней.

Явись Татьяна перед ним такой же влюбленной, простой и смиренной, какой была раньше, он бы опять только «живо тронут был». Все это и вызывает иронию Повествователя: «О люди! все похожи вы на прародитель-ницу Эву». И теперь, полюбив Татьяну, Онегин все еще не понял ее: «Ужель та самая Татьяна». Он ошеломлен «пере-рождением» Татьяны:

Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?

А между тем он все еще не понял, что Татьяной руководят врожденное чувство такта и тонкая интуиция. Попав в высший свет, она, оставшись естественной, быстро усвоила его законы. И ей нетрудно это далось, потому что основа ее характера — простота, утонченность, отсутствие всего, что «зывается vulgare». В деревне эти свойства Татьяны воспринимались как ее самобытность, непохожесть на других.

Повествователь старательно перечисляет все признаки страстной, искренней влюбленности Онегина в Татьяну: «...он хранит письмо, где сердце говорит, где все наруже, все на воле». Он, как все влюбленные, теряется в ее присутствии:

Он с трепетом к княгине входит (...) ...Слова нейдут Из уст Онегина. Угрюмый, Неловкий, он едва-едва Ей отвечает...

Куда девалась «наука страсти нежной», которой он в совершенстве владел когда-то: «За ней он гонится как тень». Его письмо дышит неподдельной страстью:

Нет, поминутно видеть вас, Повсюду следовать за вами, Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами, Внимать вам долго, понимать Душой все ваше
совершенство, Пред вами в муках замирать. Бледнеть и гаснуть... вот блажен-ство!

И [Татьяна](#) верит в искренность его чувства:

В тоске безумных сожалений К ее ногам упал Евгений; Она вздрогнула и молчит; И на
Онегина глядит Без удивления, без гнева... Его больной, угасший взор. Молящий вид,
немой укор, Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь
опять воскресла в ней. Она его не подымает И, не сводя с него очей, От жадных уст не
отымает Бесчувственной руки своей...

И она доверчиво, просто и открыто говорит: «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я
другому отдана; и буду век ему верна». Онегин предвидел все: и «горькое презренье»,
какое взгляд ее изобразит, и «злое веселье», какому он повод подавал, и боялся, что
она увидит в его объяснении «затеи хитрости презренной». Но он не ждал этого нового
признания в любви с таким решительным отрицанием возможности этой любви:

Она ушла. Стоит Евгений, Как будто громом поражен. В какую бурю ощущений Теперь
он сердцем погружен!

Что так поразило его? Он впервые открыл для себя Татьяну, впервые увидел то, что
является самым главным в ней: ее нравственную силу. Это и сила любви, это и сила,
которая позволяет ей никому, кроме него, не открывать этой любви; это и сила быть
верной супружескому долгу. Татьяна не ответила на любовь Онегина и потому, что у нее
возвышенное понимание супружеского долга, и потому, что она Онегина любит и
дорожит этим чувством: любовь к Онегину — это самая большая нравственная ценность
в ее жизни, это ее богатство, и она не хочет его потерять.

Онегин же, если бы Татьяна ответила на его любовь, «был бы счастлив... сколько мог!»
Но он не пережил бы никакой «бури ощущений», никакого нравственного потрясения.
Из этой «бури ощущений» он, вероятно, вынесет резкое самоосуждение за
поверхностность своего взгляда на жизнь. И как один из возможных вариантов его
дальнейшего развития приобщение к какой-то полезной деятельности и, может быть,
путь к декабристам.

Но, чтобы все это свершилось с Онегиным, надо, чтобы Татьяна, любя Онегина, отвергла
его любовь. Их роману дальше развиваться некуда. Вот почему роман без конца
воспринимается законченным. Поэтому же десятая глава с Онегиным-декабристом не

могла быть продолжением романа «Евгений Онегин»: после того нравственного потрясения, на которое Онегин оказался способным в развязке романа, он должен начать новую жизнь, в новых условиях, с новыми людьми. И потому десятая глава - не продолжение известного нам романа, а начало нового — романа о декабристском движении, которого Пушкин писать не собирался. Очевидно, потому она и была уничтожена.

В конце романа Повествователь делает для своего героя все, что можно, чтобы мы о нем не думали плохо. «Буря ощущений», в которую Онегин оказался погружен, примиряет с ним Повествователя, и он прощается со своим героем так же тепло, как и с самим романом, и с «Татьяной милой»:

Прости ж и ты, мой спутник странный, И ты, мой верный идеал, И ты, живой и постоянный, Хоть малый труд...

Пушкин не сделал Онегина декабристом. И в этом нет незаконченности: как тип дворянского интеллигента 20-х годов XIX в. он возможен и такой. И не случайно в размышлениях об Онегине и Татьяне возникают воспоминания о той среде, с которой связывалась у поэта личность героя:

Но те, которым в дружной встрече Я строфы первые читал... Иных уж нет, а те далече (...). Без них Онегин дорисован. А та, с которой образован Татьяны милый идеал... О много, много рок отъял!

Итак, перечитав роман, мы заметили, что сам поэт указал на три признака его художественной формы: «собрание пестрых глав», «свободный роман», роман, построенный на противоречиях. На четвертый признак — стихотворную форму Пушкин указал не в тексте романа, а в письме П. Л. Вяземскому: «...я теперь пишу не роман, а роман в стихах - дьявольская разница».

По конкретно-предметному содержанию роман «Евгений Онегин», действительно, является «собранием пестрых глав». О чем только поэт ни говорит на его страницах! «Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь все чувства, понятия, идеалы. (...) Прежде всего в „Онегине“ мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития» (в момент «впервые пробудившегося общественно-личностного самосознания»)(В.Белинский).

Пушкин говорит о взаимоотношениях разных поколений внутри дворянского класса, об оторванности передовой дворянской интеллигенции от народа, о русских национальных основах жизни, об обычаях простонародной старины, о развитии русской литературы, об

эволюции собственного поэтического творчества. Поэт ставит множество моральных, эстетических, философских, социально-политических проблем: любовь и дружба, «добро и зло», «плоды наук», человек в его отношениях к другим людям, к родине, к природе... На этом основании В. Г. Белинский назвал роман «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением».

События, изображенные в романе, происходят в годы (1819—1825), предшествовавшие восстанию декабристов. Это время подъема дворянской революционности. Дописывался роман в 1829- 1830 гг., после разгрома декабристского движения. И это не могло не сказаться на разрешении одной из главных проблем романа. Пушкина волнует прежде всего судьба молодого дворянского поколения.

По комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» мы знаем о двух путях, по которым пошла дворянская молодежь после Отечественной войны 1812 г. Один — это путь служения людям, путь декабристов и всех тех, кто разделял их убеждения. Другой — это путь приспособления к жизни, путь личного благополучия. Но в среде дворянской образованной молодежи были и такие, которые в силу своей честности не хотели, по словам А. И. Герцена, стать на сторону правительства, а из-за отсутствия ясно осознанной общественной цели не умели стать на сторону народа. Именно в этой среде Пушкиным «тип был найден, и с тех пор каждый роман, каждая поэма имели своего Онегина, т. е. человека, осужденного на праздность, бесполезного, сбитого с пути,— человека, чужого в своей семье, не желающего делать зла и бессильного делать добро; он не делает в конце концов ничего, хотя и пробует все, за исключением, впрочем, двух вещей: во-первых, он никогда не становится на сторону правительства, и, во-вторых, он никогда не способен стать на сторону народа...»(А.И.Герцен). Трагизм положения людей этого типа Пушкин и раскрыл в образе Онегина.

Как удалось поэту объединить «пестрые главы» в законченное, целостное поэтическое произведение? Конструктивные приемы, обеспечивающие целостность романа, его поэтическую законченность,— это, во-первых, композиционный параллелизм, во-вторых, принцип противоречия, создающий динамику романа, в-третьих, стихотворный ритм и, в-четвертых, особая организация поэтической речи.

Композиционный параллелизм выступает в романе как принцип расположения «материала». Здесь уместно вспомнить организующую роль такого структурного элемента художественного произведения, как композиция. «Композиция — это дисциплинирующая сила и организатор произведения. Ей поручено следить за тем, чтобы ничто не вырывалось в сторону, в собственный закон, а именно сопрягалось в

целое и поворачивалось в дополнение его мысли: она контролирует художественность во всех сочленениях и общем плане. Поэтому она не принимает обычно ни логической выводимости и соподчинения, ни простой жизненной последовательности, хотя и бывает на нее очень похожа; ее цель — расположить все куски так, чтобы они замыкались в полное выражение идеи» (П.В.Палиевский). Ком-позиция, выполняя организующую роль, распространяет свои конструктивные принципы на другие элементы произведения (сюжет, систему образов, построение отдельного образа). В «Евгении Онегине» композиционный параллелизм действует как закон расположения «материала» на всех уровнях структуры произведения: сюжетно-фабульном, системы образов, стилистическом.

Характеризуя некоторые особенности сюжета, мы уже говорили, что в романе развиваются две параллельные фабульные (событийные) линии: Онегин — Татьяна, Ленский — Ольга. Эти линии параллельны (одинаковы) в том смысле, что романы в обоих случаях не состоялись. Сюжет романа распадается на два цикла и делит произведение как бы на две части. В первом сюжетном цикле конфликт развивается так: Татьяна впервые увидела Онегина и полюбила его; Татьяна страдает; Татьяна пишет письмо Онегину; Татьяна ждет ответа; Татьяна слушает отповедь Онегина; Татьяна страдает. Второй цикл точно повторяет первый, только герои как бы поменялись ролями: Онегин в Петербурге увидел Татьяну; Онегин полюбил Татьяну; Онегин страдает; Онегин пишет письмо Татьяне; Онегин ждет ответа; Онегин слушает отповедь Татьяны; Онегин страдает.

В плане стилистическом можно указать на такие сходные места текста, как два письма, построенные по одинаковому композиционному плану, совпадающие в отдельных своих частях по синтаксическим конструкциям:

Татьяна

Онегин

Я к вам пишу — чего же боле? Что я могу еще сказать? ~~Предложу еще, вазаскороберь, чалыной, вайнейвольен, Менья Кра~~

Похожи и концовки писем: каждый из героев вверяет свою судьбу другому, рассчитывая на его благородство.

Татьяна

Онегин

Кончаю! Страшно перечесть... ~~Слыди быгражама и рабра~~ Провинь сторукой в алабете, В М ф

А вот описание душевного состояния Татьяны и Онегина после того, как письмо написано и послано:

Татьяна

Онегин

Но день протек, и нет ответа. ~~Другой наст~~ Он в вене по кагане: Вледважаре съему пирамид Эта

По принципу параллелизма построены и обе отповеди. Действующие лица в романе сгруппированы и по принципу, сходства (параллелизм), и по принципу противоположно-сти (контраст).

Но мало расположить «материал»: чтобы добиться поэтической целостности произведения, надо «пестрые гла-вы» как-то скрепить. В «Евгении Онегине» объединяющим принципом является динамика романа: развитие действия, отношений между героями, характеров действующих лиц Пушкин дает как развитие противоречий, что создает иллюзию беспрерывно движущейся и изменяющейся жизни.

Наиболее глубоко и последовательно принцип контраста выдержан автором в развертывании характеров главных действующих лиц. Если рассматривать линию личной жизни героев, то можно утверждать, что это роман о невозможности счастливой любви при наличии влюбленных героев. Возможное оказывается невозможным даже там, где Пушкин то и дело пытается «развеселить воображенье

картиной счастливой любви». Ленский и Ольга изображаются как герои, рожденные для любви, и читатель ждет или счастливого конца, или драмы любви. Но хотя «выстрел, разорвавший эту любовь, окажется драматическим» (Выготский Л.С.), он не является следствием их любовной драмы.

Любовь Онегина к Татьяне удивляет читателя неожиданностью: она изображается как любовь необыкновенная, трагическая. Тогда как «уже в первой главе, где подробно описывается, как Онегин знал науку страсти нежной... читателю внушается образ Онегина, истратившего свое сердце в светском волокитстве, и с первых же строк читатель подготовлен к тому, что с Онегиным может произойти все что угодно, только не гибель от невозможной любви» (Выготский Л.С.) По тому, как развиваются отношения Татьяны с Онегиным до восьмой главы, читатель боится, что погибнет от любви Татьяна. На самом же деле гибнет Онегин: «Весь конец романа... вплоть до последней строки насыщен намеками на то, что Онегин гибнет, на то, что жизнь его кончена, на то, что ему больше нечем дышать. (...) Но где вскрывается это с потрясающей силой, так это в знаменитой сцене их нового свидания, которое было прервано внезапным звоном шпор.

И здесь героя моего, В минуту, злую для него, Читатель, мы теперь оставим, Надолго... навсегда...

Пушкин обрывает как будто на случайном месте, но эта внешняя и совершенно неожиданная для читателя случайность еще более подчеркивает художественную завершенность романа. На этом кончено все» (Выготский Л.С.).

Онегин гибнет в том смысле, что в прежнем направлении жизнь его продолжаться не может. Ему надо начать жить заново, ему надо возродиться для какой-то другой, новой жизни. В художественную задачу Пушкина не входило изобразить возродившегося героя: он хотел показать трагизм человека, не сумевшего найти себе места в жизни. Он это сделал.

По такому же принципу противоречий-контрастов раскрывается и характер Татьяны. В начале своего знакомства с Онегиным Татьяна любит воображаемого Онегина:

Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон,—
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Повествователь прямо говорит о том, что через все ее страдания проходит мотив гибели

от неразделенной любви:

Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою. Погибнешь, милая...

Сама героиня в письме к Онегину пишет:

Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает, Рассудок мой изнемогает, И молча гибнуть я должна.

После неожиданного появления Онегина на именинах Татьяна даже выражает свою готовность погибнуть:

Его нежданным появленьем, Мгновенной нежностью очей И странным с Ольгой повеленьем До глубины души своей Она проникнута; не может Никак понять его; тревожит Ее ревнивая тоска, Как будто хладная рука Ей сердце жмет, как будто бездна Под ней чернеет и шумит... «Погибну,— Таня говорит,— Но гибель от него любезна».

Но вот прошло два года. Татьяна, кажется, давно уже разгадала Онегина, во всяком случае, давно поняла, что Онегин, «кто б ни был он, уж верно был не Грандисон». Она теперь любит его такого, какой он есть на самом деле. И если раньше она страдала, присвоив себе «чужой вос-торг, чужую грусть», то теперь, любя живого, настоящего, а не выдуманного Онегина, она страдает не вычитанными из книг страданиями, а своими собственными. И теперь у нее больше оснований погибнуть от любви, от борьбы между чувством любви и супружеским долгом.

Но и здесь ожидания читателя оказываются обману-тыми: Татьяна не погибнет от любви, более того, она даже не обнаружит «немых своих страданий». (Весь ее монолог, обращенный к Онегину в их последнем свидании, построен на контрастах. С одной стороны:

Она вздрогнула и молчит; И на Онегина глядит Без удивления, без гнева... Его больной, угасший взор, Молящий вид, немой укор, Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь опять воскресла в ней.

А с другой — каким холодом веет от ее слов:

Тогда — не правда ли? — в пустыне, Вдали от суетной молвы, Я вам не нравилась... Что ж ныне Меня преследуете вы? Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете Теперь являться я должна; Что я богата и знатна, Что муж в сраженьях изувечен, Что нас за то ласкает двор? Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь?

А вслед за этими словами: «Я плачу... если вашей Тани вы не забыли до сих пор...» И как

мужественно она за-канчивает свою отповедь:

А счастье было так возможно, Так близко!.. Но судьба моя Уж решена. Неосторожно, Быть может, поступила я (...) Я вышла замуж. Вы должны, Я вас прошу, меня оставить; Я знаю, в вашем сердце есть И гордость и прямая честь. Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна.

Итак, «стоит взглянуть на роман, чтобы увидеть, что весь он построен на невозможности: полное соответствие первой и второй части при совершенно противоположном смысле выражает это до конца ясно: письмо Татьяны — письмо Онегина; объяснение в беседке — объяснение у Татьяны, и читатель, обманутый этим, не замечает даже, до чего переменялись коренным образом и герой и героиня, и что Онегин в конце не только совершенно не тот, что в начале романа, но явно ему противоположен, как действие в конце противоположно действию в начале. Ха-рактер героя динамически изменился, так же как измени-лось течение самого романа, и, что самое важное, именно это изменение характера оказалось одним из важнейших средств для развертывания действия» (Выготский Л.С.)

Противоречие - один из законов жизни, по мнению Пушкина. Характеризуя Татьяну, он утверждает:

Что ж? Тайну прелесть находила И в самом ужасе она: Так нас природа сотворила, К противуречию склонна.

Поэтому не случайно в романе, реалистически отра-жающем жизнь, принцип противоречия выступает как один из главных конструктивных приемов.